

# ИДЕНТИЧНОСТЬ

---

---

СТРЕМЛЕНИЕ  
К ПРИЗНАНИЮ  
И ПОЛИТИКА  
НЕПРИЯТИЯ

---

---

ФРЭНСИС

ФУКУЯМА

УДК 323.2  
ББК 66.041.12  
Ф94

Переводчик Александр Соловьев  
Научный редактор Федор Лукьянов  
Редактор Александра Кобзева

**Фукуяма Ф.**

Ф94 Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Фрэнсис Фукуяма ; Пер. с англ. — М. : Альпина Паблшер, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-9614-2666-3

В последние годы все больше и больше внимания люди во всем мире начинают уделять своей идентичности — национальной, расовой, гендерной, религиозной. Этот глобальный тренд, по мнению Фрэнсиса Фукуямы, автора бестселлера «Конец истории и последний человек», является решающим фактором для эффективной работы общественного механизма, будь то в странах Востока, Юго-Восточной Азии, Соединенных Штатах или Скандинавии. В своей новой книге Фукуяма исследует истоки нашего стремления к признанию достоинства и разбирает последствия влияния политики идентичности на либеральный миропорядок в эпоху популизма. Задача, которую ставит перед собой Фукуяма, — доказать, что права личности, лежащие в основе либеральной идеи, не только могут вести к индивидуалистическому дроблению обществ, но и создать основу для социальной консолидации.

УДК 323.2  
ББК 66.041.12

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу [mylib@alpina.ru](mailto:mylib@alpina.ru).

ISBN 978-5-9614-2666-3 (рус.)  
ISBN 978-0-374-90674-0 (англ.)

© 2018 by Francis Fukuyama  
© Издание на русском языке, перевод, оформление.  
ООО «Альпина Паблшер», 2019

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	15
1. ПОЛИТИКА ДОСТОИНСТВА	25
2. ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ДУШИ	36
3. ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ	50
4. ОТ ДОСТОИНСТВА К ДЕМОКРАТИИ	63
5. РЕВОЛЮЦИИ ДОСТОИНСТВА	68
6. ЭКСПРЕССИВНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ	77
7. НАЦИОНАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ	87
8. ОБРАЩЕНИЕ НЕ ПО АДРЕСУ	104
9. ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА	111
10. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ДОСТОИНСТВА	123
11. ОТ ИДЕНТИЧНОСТИ К ИДЕНТИЧНОСТЯМ	138
12. МЫ, НАРОД	159

13. ИСТОРИИ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ	177
14. ЧТО ДЕЛАТЬ?	203
ОБ АВТОРЕ	227
ПРИМЕЧАНИЯ	229
БИБЛИОГРАФИЯ	249

---

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

### Не конец, но венец

Как живет интеллектуалу, который сам превратился в бренд, а его идея — в броский лозунг на глобальной авансцене? Надо полагать, нелегко. Остаться автором одного-единственного хита, вспоминая потом всю жизнь свои «15 минут славы», как-то обидно. Это, в конце концов, история не шоу-бизнеса, но мировой политической мысли. Удержаться же в потоке, особенно тогда, когда планета пребывает в фазе кардинальных перемен и многие концепты не переживают даже полного электорального цикла в ведущих странах, очень трудно.

Фрэнсису Фукуяме это удалось. С момента, когда летом 1989 г. в журнале *The National Interest* появилась знаменитая статья «Конец истории?» (через три года разросшаяся до книги), и до сих пор любое его выступление вызывает

---

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга не была бы написана, не стань Дональд Трамп президентом США в ноябре 2016 г. Как и многие американцы, я был удивлен таким исходом и обеспокоен его последствиями для Соединенных Штатов и всего мира. В июне того же года другое общенародное голосование — референдум в Великобритании о выходе из Европейского союза — также принесло совершенно неожиданный результат.

Последние пару десятков лет я много размышлял о развитии современных политических институтов: как возникли государство, верховенство права и демократическая подотчетность, как они развивались и взаимодействовали и, наконец, как они могут прийти в упадок. Задолго до избрания Трампа я писал, что институты в США разрушаются, поскольку господство в стране захватывают мощные группы влияния, а само государство превращается в косную структуру, неспособную к самообновлению\*.

---

\* Отсылка к статье автора "America in Decay. The Sources of Political Dysfunction" в журнале *Foreign Affairs*, 93 (5), 2014, September–October. — Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. пер.

Трамп есть и продукт такого разрушения, и его агент. Его политический взлет связан с надеждами на то, что он использует мандат доверия, врученный ему народом, чтобы встряхнуть систему и вернуть ей эффективность. Американцы устали от бессмысленного противостояния партий, обернувшегося политическим застоем. Они изголодались по сильному лидеру, способному вновь объединить страну, положив конец ветократии — возможности групп влияния блокировать общественную инициативу. Подобный всплеск популизма привел в 1932 г. в Белый дом Франклина Рузвельта и преобразил американскую политику на два поколения вперед.

Проблема с Трампом оказалась двоякой, связанной как с его политикой, так и с особенностями личности. Его экономический национализм может скорее ухудшить, чем улучшить положение его сторонников, в то время как очевидное увлечение авторитарными «сильными личностями» в ущерб демократическим союзникам способно дестабилизировать международный порядок. Что же касается личных качеств, то трудно представить человека, менее подходящего для того, чтобы быть президентом Соединенных Штатов. Добродетели, которые ассоциируются с образом выдающегося государственного лидера, — элементарная честность, надежность, рассудительность, преданность общественным интересам и морально-нравственный стержень, — у него полностью отсутствуют. На протяжении всей карьеры Трамп был озабочен исключительно саморекламой и никогда не останавливался перед тем, чтобы пройти по головам или обойти правила, стоявшие на его пути, не гнушаясь никакими средствами.

Трамп олицетворяет общую тенденцию международной политики — наступление так называемого популистского национализма<sup>1</sup>. Лидеры-популисты стремятся использовать

легитимность, полученную через демократические выборы, для консолидации власти. Они утверждают, что имеют прямую харизматическую связь с «народом», который часто определяется в узких этнических терминах, исключающих значительную часть населения. Они не любят институты и стремятся подорвать систему сдержек и противовесов, ограничивающую личную власть лидера в современной либеральной демократии: суды, систему законодательной власти, независимые СМИ и «аполитичный», внепартийный чиновничий аппарат. Современными лидерами такого типа можно считать и Владимира Путина в России, и Реджепа Эрдогана в Турции, и Виктора Орбана в Венгрии, и Ярослава Качиньского в Польше, и Родриго Дутерте на Филиппинах.

Глобальное движение к демократии, начавшееся в середине 1970-х, привело к тому, что мой коллега Ларри Даймонд назвал «глобальная рецессия»<sup>2</sup>. В 1970 г. существовало лишь около 35 электоральных демократий. За следующие 30 лет их число постепенно росло, пока в начале XXI в. не достигло почти 120. Наибольший рост пришелся на 1989–1991 гг., когда крах коммунизма в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе вызвал волну демократизации во всем регионе. Однако с середины 2000-х тенденция обратилась вспять и число демократий сократилось. Авторитарные страны — и прежде всего Китай — в это время обрели уверенность и стали более напористыми.

Неудивительно, что создание работоспособных институтов в новых «потенциальных демократиях», таких как Тунис, Украина и Мьянма, идет с огромным трудом. Неудивительно также, что либеральная демократия не прижилась в Афганистане или Ираке после вторжения США в эти страны. Возвращение России к авторитарным традициям вызывает скорее разочарование, чем удивление.

Гораздо более неожиданными стали угрозы демократии, исходящие из, казалось бы, уже устоявшихся демократических государств. Венгрия одной из первых в Восточной Европе свергла коммунистический режим. Когда она вступила в НАТО и Европейский союз, возникло ощущение, что страна вернулась в Европу в качестве «консолидированной», по выражению политологов, либеральной демократии. Тем не менее под руководством Орбана и его партии «Фидес»<sup>\*</sup> Венгрия возглавила движение к тому, что Орбан назвал «нелиберальная демократия»<sup>\*\*</sup>. Но гораздо большим сюрпризом стало голосование за Brexit в Великобритании и за Трампа в США.

Эти две ведущие демократии были архитекторами современного либерального международного порядка, возглавившими под руководством Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер «неолиберальную революцию» в 1980-х гг. Однако они сами, похоже, свернули в сторону куда более примитивного национализма.

Это возвращает меня к истокам появления этой книги. С тех пор как в середине 1989 г. вышла моя статья «Конец истории?» и в 1992 г. книга «Конец истории и последний человек»<sup>3</sup>, меня постоянно спрашивают, не опровергает ли мои тезисы то или иное явление. Это может быть переворот в Перу, война на Балканах, террористические атаки 11 сентября, мировой финансовый кризис или, в самое последнее время, выборы Дональда Трампа или описанная выше волна популистского национализма.

Большинство критических замечаний основаны на простом непонимании и неверной интерпретации моих идей.

\* Fidesz — аббревиатура от *Fiatl Demokraták Szövetsége*, «Союз молодых демократов».

\*\* Строго говоря, термин «нелиберальная демократия» (*illiberal democracy*) ввел в оборот Фарид Закария (*Fareed Zakaria*) в статье «The Rise of Illiberal Democracy», опубликованной в журнале *Foreign Affairs* в 1997 г.

Я использовал слово «история» в гегелевско-марксистском смысле, то есть как долгосрочную эволюцию человеческих институтов, которую иначе можно назвать *развитием* или *модернизацией*. Слово «конец» (*end*) подразумевало не «прекращение», но «конечную цель»<sup>\*</sup>. Карл Маркс предполагал, что концом истории будет коммунистическая утопия. Я же просто предположил, что версия Гегеля, в которой развитие институтов приводит к формированию либерального государства, связанного с рыночной экономикой, является более вероятным итогом<sup>4</sup>.

Это не значит, что за эти годы мои взгляды не изменились. Самое полное их переосмысление я смог изложить в книгах «Государственный порядок» и «Угасание государственного порядка», которые в совокупности можно понимать как попытку переписать «Конец истории и последний человек» на основе того, что я понимаю под мировой политикой сейчас<sup>5</sup>. Главные изменения, к которым я пришел, касаются, во-первых, сложности развития современного, обезличенного государства — проблемы, которую я назвал «равняться на Данию»<sup>\*\*</sup>, и, во-вторых, возможности разложения современной либеральной демократии или ее регресса.

Однако критики упустили еще один момент. Они не заметили, что в конце названия первоначального эссе стоял вопросительный знак, и не прочитали более поздние главы «Конца истории», посвященные проблеме последнего человека Ницше.

\* Игнорирование переводчиками этого значения английского слова *end* (например, *ends and means* — «цели и средства») — источник множества конфузов самого разного уровня.

\*\* «Дания» из «Государственного порядка» Фукуямы — это некий символ, реальная и в то же время образная страна, равняться на которую (*getting to Denmark*) стремятся почти все другие страны. В «Дании» — справедливая правоохранительная система, низкая коррупция, высокий уровень благосостояния, эффективные институты и т. д. Правда, «попасть в Данию» (так тоже можно перевести фразу Фукуямы) удастся далеко не всем.

И в эссе, и в этих главах я отмечал, что и национализм, и религия по-прежнему представляют мировые политические силы и не собираются исчезать. Они не собираются исчезать потому, что, как я утверждал тогда, современные либеральные демократии не сумели полностью разрешить проблему *тимоса*. Тимос — это та часть души, которая страстно жаждет признания и уважения человеческого достоинства\*; *изотимия* — это требование уважения наравне с другими людьми; а *мегалотимия* — это стремление к публичному признанию своей исключительности. Современные либеральные демократии обещают и в значительной степени обеспечивают минимальную степень равного уважения, воплощенную в правах личности, верховенстве закона и избирательном праве. Но это не гарантирует того, что при демократии людей действительно будут уважать в равной степени, особенно представителей исторически маргинализованных групп. Целые страны могут ощущать недостаток уважения, что подпитывает в них агрессивный национализм (подобным же образом верующие полагают, что их религиозные чувства оскорблены). Изотимия будет и впредь разжигать жажду равного с окружающими признания, которая вряд ли когда-либо будет полностью удовлетворена.

Не менее серьезная проблема связана и с мегалотимией. Либеральные демократии добились неплохих результатов в обеспечении мира и процветания (хотя в последние годы дела с этим обстоят несколько хуже). Эти богатые, безопасные общества — обитель последнего человека Ницше, они населены «бесчувственными людьми»\*\*, которые проводят жизнь в бесконечной погоне за потребительским

\* Тимос (греч.) — «яростный дух стражей» в «Государстве» Платона.

\*\* Бесчувственные люди (men without chests) — отсылка к термину британского писателя Клайва Льюиса (известного широкой публике по циклу фэнтези о Нарнии). Так («Человек бесчувственный») называется первая глава книги Льюиса «Человек отменяется» в переводе Н. Трауберг. В российском

удовлетворением. У них нет никакой нравственной основы, нет высших целей или идеалов, ради которых стоит дерзать и идти на жертвы. Такая жизнь устраивает не всех. Мегалотимия подпитывается жаждой исключительности: люди готовы идти на огромные риски, ввязываться в судьбоносное противостояние, добиваться колоссальных результатов, лишь бы окружающие признали их превосходство. В некоторых случаях это способствует формированию героических лидеров, подобных Линкольну, Черчиллю или Нельсону Манделе. В других — может привести к появлению таких тиранов, как Цезарь, Гитлер или Мао, диктатура которых ввергала ведомые ими общества в пучину бедствий.

Поскольку мегалотимия исторически существовала во всех обществах, ее нельзя преодолеть; ее можно лишь направить или смягчить. В заключительной главе книги «Конец истории и последний человек» я поднял вопрос о том, обеспечит ли современная либеральная демократия, связанная с рыночной экономикой, адекватный выход для мегалотимии. Эту проблему отчетливо понимали американские отцы-основатели, стремившиеся создать республику в Северной Америке. Они были прекрасно осведомлены об истории падения Римской республики и обеспокоены проблемой цезаризма. Для ее решения они создали конституционную систему сдержек и противовесов, которая распределяла власть и блокировала ее концентрацию в руках одного политического лидера. Еще в 1992 г. я предположил, что возможности для «безопасного» проявления мегалотимии открывает рыночная экономика. Предприниматель может стать сказочно богатым и в то же время вносить лепту в общее процветание. Стремящиеся к общественному признанию люди могут реализовать амбиции,

издании книги Ф. Фукуямы «Конец истории» это выражение перевели дословно — «люди без груди», не пытаясь передать смысл.

участвуя в состязаниях по триатлону в серии Ironman, устанавливая рекорды по числу покоренных вершин в Гималаях — или создавая самую дорогостоящую в мире интернет-компанию.

Я, кстати, упомянул Дональда Трампа в «Конце истории» как пример фантастически амбициозного человека, чье стремление к признанию было безопасно вложено в бизнес (а позднее — в карьеру в индустрии развлечений). Тогда я и не подозревал, что четверть века спустя он, не удовлетворившись своими достижениями на ниве бизнеса и лаврами телезвезды, пойдет в политику и будет избран президентом. Однако это вовсе не противоречит моему общему утверждению о потенциальных угрозах либеральной демократии и центральной проблеме тимоса в либеральном обществе<sup>6</sup>. Такие фигуры прошлого, как Цезарь, Гитлер или Перон, которые ради собственного возвышения эксплуатировали обиды и негодование простых людей, считавших, что их нация, религия или образ жизни не уважаются, привели свои общества к катастрофическим войнам или экономическому упадку. В этих случаях мегалотимия и изотимия шли рука об руку.

В этой книге я возвращаюсь к темам, к которым обращался в 1992 г. и о которых с тех пор пишу: тимос, признание, достоинство, идентичность, иммиграция, национализм, религия и культура. В нее, в частности, вошла лекция памяти Сеймура Липсета об иммиграции и идентичности, которую я прочел в 2005 г., и лекция об иммиграции и европейской идентичности для Фонда Лациса, которую я прочел в Женеве в 2011 г.<sup>7</sup> Иногда я в том или ином виде воспроизвожу отрывки из предыдущих произведений. Прошу прощения, если кому-то покажется, что я повторяюсь, но я вполне уверен, что лишь немногие потратили время на то, чтобы следить за развитием именно этой

мысли и пытались разглядеть в этом развитии логичную систему доводов, связанную с событиями настоящего времени.

Требование признания и уважения своей идентичности — это универсальное понятие, которое охватывает многое из того, что происходит сегодня в мировой политике. Оно не ограничивается политикой идентичности, практикуемой в университетских кампусах, или спровоцированным ею белым национализмом, но распространяется на более масштабные явления, такие как всплеск старомодного национализма и политизация ислама. Я бы даже рискнул утверждать, что изрядная часть так называемой экономической мотивации зиждется на стремлении к признанию и поэтому не может быть удовлетворена только экономическими средствами. Это имеет прямое отношение к вопросу о том, что нам делать с сегодняшним популизмом.

По Гегелю, движущей силой истории человечества является борьба за признание. Он утверждал, что единственным рациональным решением проблемы стремления к признанию станет всеобщее признание, в рамках которого признается и уважается достоинство каждого человека. С тех пор всеобщее признание оспаривается как другими формами исключительного группового признания — на основе национальности, религии, секты, расы, этнической принадлежности или пола, — так и индивидами, требующими признания своего превосходства над остальными. Все более активная политизация проблемы идентичности представляет одну из главных угроз для современных либеральных демократий, и, если мы не сможем вернуться к более общему пониманию человеческого достоинства, мы обречем себя на продолжение конфликта.

Я бы хотел поблагодарить за комментарии к рукописи этой книги нескольких друзей и коллег: Шери Берман, Герхарда Каспера, Патрика Шаморела, Марка Кордовера,



Кэтрин Крамер, Ларри Даймонда, Боба Фолкнера, Джима Фирона, Дэвида Фукуяму, Сэма Гилла, Анну Гризмала-Буссе, Маргарет Леви, Марка Лилла, Кейт Макнамару, Яшу Моунка, Марка Платтнера, Ли Росса, Сьюзан Шелл, Стива Стедмена и Кэтрин Стоунер. Особая благодарность — Эрику Чински, моему редактору в издательстве Farrar, Straus and Giroux, который без устали работал уже с несколькими моими книгами. Его чувство логики и языка и его обширные знания по существу вопросов, которым посвящена книга, принесли ей огромную пользу. Кроме того, я очень благодарен за поддержку, которую Эндрю Франклин из Profile Books оказал при работе над этим и над предыдущими изданиями.

Как обычно, я приношу благодарность моим литературным агентам — Эстер Ньюберг из International Creative Management и Софи Бейкер из Curtis Brown, так же как и всем тем, кто поддерживал их. Они проделали огромную работу для издания моей книги в США и по всему миру.

Также я хотел бы поблагодарить моих научных ассистентов и референтов Ану Эрджайлс, Эрика Гиллияма, Рассела Клэриду и Николь Саутхард, помощь которых при поиске фундаментальных материалов для книги была неоценимой.

Я благодарен за поддержку своей семье и особенно моей жене Лауре, ставшей внимательным читателем и критиком всех моих книг.

*Пало-Альто и Кармел-бай-те-Си,  
Калифорния*

## 1

## ПОЛИТИКА ДОСТОИНСТВА

Примерно в середине второго десятилетия XXI в. мировая политика изменилась коренным образом.

С начала 1970-х до середины 2000-х гг. в результате процессов, названных Сэмюэлом Хантингтоном третьей волной демократизации, число стран, которые можно отнести к электоральным демократиям, увеличилось с приблизительно 35 до более 110. В этот период либеральная демократия стала для большей части мира стандартной формой правления — если не на практике, то по крайней мере в потенциальности<sup>1</sup>.

Параллельно с кардинальным изменением политических институтов росла экономическая взаимозависимость между странами — то, что мы называем глобализацией. Основу ее составили такие либеральные экономические структуры, как Генеральное соглашение по тарифам и торговле и пришедшая ему на смену Всемирная торговая организация. Их дополнили региональные торговые институты, такие как Европейский союз и Североамериканское

соглашение о свободной торговле. В тот период темпы роста международной торговли и инвестиций опережали темпы роста мирового ВВП и считались основной движущей силой процветания. С 1970 по 2008 г. мировое производство товаров и услуг увеличилось в четыре раза, рост шел практически во всех регионах мира, а число людей, живущих в условиях крайней нищеты в развивающихся странах, сократилось с 42% от общей численности населения в 1993 г. до 17% в 2011 г. Доля детей, не доживавших до пяти лет, упала с 22% в 1960 г. до менее 5% к 2016 г.<sup>2</sup>

Однако либеральный мировой порядок не стал благом для всех. Во многих странах мира, и особенно в государствах с развитой демократией, резко увеличилось неравенство; преимущества, которые обеспечивал экономический рост, главным образом доставались элите, принадлежность к которой определял прежде всего уровень образования<sup>3</sup>. Увеличение объема товаров и денег, а также массовые переезды, связанные с экономическим ростом, вызвали деструктивные социальные изменения. Деревенские жители развивающихся стран, прежде не имевшие доступа к электричеству, вдруг оказались в крупных городах, перед экранами телевизоров или в интернете, подключаясь к Всемирной сети через вездесущие мобильные телефоны. Рынки труда адаптировались к новым условиям — десятки миллионов людей пересекали границы в поисках лучшей доли для себя и своих семей или просто из-за невыносимых условий жизни в собственной стране. Огромный средний класс, сформировавшийся в Китае, Индии и других странах, вытеснял с привычных рабочих мест представителей среднего класса развитых государств. Производства неуклонно перемещались из Европы и Соединенных Штатов в Восточную Азию и другие регионы с низкой стоимостью рабочей силы. Женщины выдавливали мужчин из экономики, где

сфера услуг уверенно доминировала над остальными отраслями, а низкоквалифицированных работников заменяли «умные» машины.

Начиная с середины 2000-х гг. движение ко все более открытому и либеральному миропорядку замедлилось, а затем обратилось вспять. Эта смена курса совпала с двумя финансовыми кризисами, первый из которых начался на американском рынке субстандартных\* ипотечных кредитов в 2008 г. и привел к Великой рецессии, а второй — угрожавший евро и всему Европейскому союзу — был спровоцирован банкротством Греции. В обоих случаях политика элит привела к резким спадам, высокому уровню безработицы и снижению доходов миллионов обычных людей во всем мире. Поскольку Соединенные Штаты и ЕС были лидерами и образцами для либерального мира, эти кризисы нанесли ущерб репутации либеральной демократии в целом.

Исследователь демократии Ларри Даймонд назвал посткризисные годы, когда практически во всех регионах мира общее число демократий уменьшилось по сравнению с пиковыми значениями, периодом демократической рецессии<sup>4</sup>. Ряд авторитарных стран — прежде всего, Китай и Россия — стали гораздо более уверенными и напористыми. Китай начал пропагандировать «китайскую модель» — откровенно недемократический путь к развитию и благосостоянию. Россия же открыто противопоставила себя «либеральному декадансу» Европейского союза и Соединенных Штатов. Некоторые государства — Венгрия, Турция, Таиланд и Польша, казавшиеся успешными либеральными демократиями в 1990-х гг., откатились назад, к более авторитарному правлению. «Арабская весна» 2011 г., разрушив диктатуры на Ближнем Востоке, вдребезги разбила надежды

\* Субстандартный ипотечный кредит может быть выдан заемщику с ненадежной или короткой кредитной историей. — Прим. науч. ред.

на торжество демократии в этом регионе, когда Ливия, Йемен, Ирак и Сирия погрязли в гражданских войнах. Американское вторжение в Афганистан и Ирак не остановило волну терроризма, воплотившуюся в терактах 11 сентября. Скорее, она мутировала в «Исламское государство»\*, ставшее путеводной звездой для непримиримых антилиберальных воинствующих исламистов во всем мире. Живучесть ИГИЛ — столь же примечательная примета времени, как и готовность многих молодых мусульман оставить сравнительно безопасную жизнь в других регионах Ближнего Востока и Европы ради того, чтобы отправиться в Сирию и сражаться в рядах исламских фундаменталистов.

Еще более удивительными и, возможно, более значимыми были два неожиданных исхода общенациональных голосований в 2016 г. — референдума в Великобритании о выходе из Европейского союза и избрание Дональда Трампа президентом Соединенных Штатов. В обоих случаях сказалась тревога избирателей, вызванная экономическими проблемами, затронувшими в основном рабочий класс, столкнувшийся с потерей рабочих мест и последствиями деиндустриализации. Не менее важными оказались антииммигрантские настроения, подпитываемые непрекращающимся притоком иммигрантов: сложилось устойчивое представление о том, что иммигранты лишают местное население работы и разрушают устои национальной культуры. Антииммигрантские партии и партии евроскептиков набирают силу во многих развитых странах: в первых рядах — «Национальный фронт» во Франции, «Партия свободы» в Нидерландах, «Альтернатива для Германии» и «Австрийская партия свободы». Вся Европа охвачена страхом перед исламистским терроризмом и сварамы по поводу запретов

\* Организация, запрещенная в России. — Прим. ред.

на выражение мусульманской идентичности — ношения паранджи, никаба или буркини.

Основой политики XX в. было противостояние левых и правых, разворачивавшееся вокруг экономических вопросов: левые выступали за большее равенство, а правые требовали большей свободы. Прогрессистские политические силы отстаивали интересы трудящихся, защищали профсоюзы, формируя социал-демократические партии, требовавшие более качественной социальной защиты и более справедливого — с их точки зрения — распределения экономических благ. Правые, наоборот, выступали за снижение участия правительства в экономике и за права частного сектора. Во втором десятилетии XXI в. на место этого противостояния, как представляется, выходит конфликт, связанный с определением идентичности. Левых гораздо меньше занимают вопросы общего экономического неравенства — теперь они скорее заняты защитой прав широкого круга групп, считающихся маргинализированными: чернокожих, иммигрантов, женщин, латиноамериканцев, ЛГБТ-сообщества, беженцев и т. п. А правые между тем переосмысливают себя как патриотов, которые стремятся защитить традиционную национальную идентичность, зачастую прямо связанную с расовой, этнической или религиозной принадлежностью.

Традиционно, по крайней мере начиная с Маркса, политическая мысль определяла политическую борьбу как воплощение экономических противоречий — по сути, как конфликт за кусок пирога. Этот конфликт и вправду стал частью истории 2010-х гг., когда глобализация обделила множество людей плодами общемирового экономического роста. С 2000 по 2016 г. реальные доходы выросли лишь у половины американцев; часть совокупного национального производства, приходившаяся на долю 1% населения США, выросла с 9% от ВВП в 1974 г. до 24% в 2008 г.<sup>5</sup>

Но какими бы важными ни были материальные интересы, люди руководствуются и другими мотивами. И эти мотивы лучше объясняют нынешний хаос. То, с чем мы столкнулись сегодня, можно назвать политикой ресентимента. Известно множество примеров, когда тот или иной политический лидер мобилизовал последователей, эксплуатируя их групповые обиды, чувство унижения или подозрение, что ими пренебрегают или что их недооценивают. Комплекс этих ощущений, называемый ресентиментом\*, требует публичного восстановления попранного достоинства такой группы. Эмоциональное воздействие, которое способна оказать на общество униженная группа, добивающаяся восстановления чести и достоинства, может быть гораздо сильнее влияния людей, просто преследующих экономическую выгоду.

На этом играет президент России Владимир Путин, говоря о трагедии распада Советского Союза и о том, как Европа и Соединенные Штаты воспользовались слабостью России в 1990-х гг., чтобы расширить НАТО на Восток, до ее границ. Ему претит чувство морального превосходства, которое демонстрируют западные политики. Он хочет, чтобы к России относились не как к слабому региональному игроку (как некогда обронил президент Обама), а как к великой державе. В 2017 г. венгерский премьер Виктор Орбан заявил, что его возвращение во власть в 2010 г. ознаменовало момент, когда «мы, венгры, тоже решили, что хотим вернуть нашу страну, хотим вернуть себе самоуважение и вернуть свое будущее»<sup>6</sup>. Правительство Си Цзиньпина пространно описывает «сто лет унижения» Китая и то, как Соединенные Штаты, Япония и другие страны пытались помешать Китаю обрести статус великой державы, который

\* Понятие ресентимента ввел в оборот Фридрих Ницше. Первым из российских философов к нему обратился Николай Бердяев.

принадлежал ему тысячелетиями. По воспоминаниям матери основателя «Аль-Каиды»\* Усамы бен Ладена, в четырнадцать лет тот заикнулся на событиях в Палестине, «он в слезах смотрел телевизор в родительском доме в Саудовской Аравии»<sup>7</sup>. Позже гнев Усамы за унижение мусульман эхом отозвался в стремлении его молодых единоверцев сражаться в Сирии во имя ислама, который, по их мнению, подвергался поруганию и угнетению во всем мире. Они надеялись воссоздать в «Исламском государстве» славу ранней исламской цивилизации.

Ресентимент в демократических странах оказался не менее мощной силой. После громких историй об убийствах полицией афроамериканцев в Фергюсоне (штат Миссури), Балтиморе, Нью-Йорке и других городах в США возникло движение «Жизни чернокожих тоже важны» («Black Lives Matter»). Его активисты стремились заставить окружающий мир обратить внимание на страдания жертв полицейского насилия, представлявшего уже обыденным. Сексуальное насилие и сексуальные домогательства в университетских кампусах и офисах по всей стране стали доказательством того, что мужчины не готовы всерьез воспринимать женщин как равных. В центр общественного внимания внезапно попали трансгендеры, отношение к которым прежде не считалось особым видом дискриминации. И многие из тех, кто голосовал за Дональда Трампа, надеясь «вернуть Америке былое величие», помнили прежние — лучшие — времена, когда их положение в собственных сообществах было более надежным. Настроения путинских сторонников в чем-то схожи с раздражением избирателей из сельских районов США. Негодование первых по поводу высокомерия и презрения западных элит по отношению к России тождественно

\* Организация, запрещенная в России. — Прим. ред.

возмущению вторых безразличием городских элит обоих побережий США и их медиасоюзников к проблемам американской глубинки.

Адепты политики ресентимента признают друг друга. Взаимная приязнь Владимира Путина и Дональда Трампа основана не только на сходстве характеров, она коренится в общем для них национализме. Виктор Орбан объяснил: «Некоторые теории описывают происходящие нынче в западном мире изменения и появление на сцене американского президента [Трампа] как борьбу на мировой политической арене между транснациональной, так называемой “глобальной”, элитой и патриотической национальной элитой», одним из ярких представителей которой он и является<sup>8</sup>.

Во всех случаях группа — будь то великая держава, такая как Россия или Китай, или избиратели в США или Великобритании — считает, что обладает идентичностью, которая не получает адекватного признания — со стороны внешнего мира, когда речь идет о нации, или со стороны других членов своего общества. Такие идентичности могут быть — и остаются — невероятно разнообразными в зависимости от принадлежности к той или иной нации или государству, тем или иным религиозным убеждениям, в зависимости от этнической принадлежности, сексуальной ориентации или пола. Все они являются проявлениями общего феномена — политики идентичности.

Термины *идентичность* и *политика идентичности* имеют сравнительно недавнее происхождение. Первый из них популяризовал психолог Эрик Эриксон в 1950-х гг., а второй получил распространение в культурной политике 1980-х и 1990-х гг. Понятие «идентичность» сегодня трактуется очень широко и разнообразно: в одних случаях она имеет отношение только к социальным категориям или

ролям, в других — к фундаментальной личной информации (как в ситуации кражи личности/идентичности). В таком контексте идентичности существовали всегда<sup>9</sup>.

В этой книге я использую термин «идентичность» в том смысле, который поможет понять, почему она так важна для современной политики. Идентичность вырастает прежде всего из различия между истинным внутренним «я» и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего «я». На протяжении всей истории человечества личности вступали в противоречие со своими обществами. Но только ныне сложилось мнение, что истинное внутреннее «я» имеет естественную, природную ценность, а внешнее общество систематически ошибается и несправедливо его оценивает. Менять необходимо не внутреннее «я», подчиняя его правилам общества, но само общество.

Внутреннее «я» является основой человеческого достоинства, но природа этого достоинства непостоянна, с течением времени она менялась. Во многих ранних культурах достоинством наделялись лишь немногие, часто — воины, готовые рисковать жизнью в бою. В других обществах достоинство является универсальным атрибутом, основанным на внутренней ценности людей, обладающих агентивностью — **свободой воли и самостоятельностью**. В иных случаях достоинство человека обусловлено его принадлежностью к большой группе людей, объединенных общей памятью и опытом.

Внутреннее чувство собственного достоинства требует признания. Осознания собственной ценности недостаточно, если окружающие не признают ее публично или, что еще хуже, если они унижают меня или игнорируют мое существование. Самоуважение возникает в результате уважения других. Поскольку стремление к признанию заложено

в природе человека, сегодня чувство идентичности быстро превращается в политику идентичности, в рамках которой люди требуют общественного признания своей ценности. Таким образом, существенную часть политических конфликтов современного мира — от демократических революций до новых социальных движений, от национализма и исламизма до политических столкновений в университетских кампусах современной Америки — можно свести к проявлениям политики идентичности. Гегель, заметим, утверждал, что борьба за признание является главной движущей силой человеческой истории, ключом для понимания зарождения современного мира.

И если экономическое неравенство, возникшее в последние пятьдесят с лишним лет глобализации, является главным фактором, объясняющим современную политику, то экономические претензии становятся гораздо более острыми, когда связаны с чувством унижения и неуважения. Действительно, многое из того, что мы понимаем под экономической мотивацией, фактически отражает не просто желание обладать богатствами и ресурсами, а отношение к деньгам как к признаку статуса и престижа; считается, что за деньги можно купить уважение. Современная экономическая теория строится на предположениях о том, что люди являются рациональными индивидами, что все они хотят извлечь наивысшую для себя «пользу», то есть повисить материальное благополучие, и что политика просто продолжение этого поведения, направленного на получение наибольшей выгоды. Однако, если мы стремимся к тому, чтобы верно интерпретировать действия реальных людей в современном мире, мы должны расширить понимание человеческой мотивации за пределы этой простой экономической модели, доминирующей в нынешнем дискурсе. Никто не оспаривает, что люди способны к рациональному поведению или

что они движимы своекорыстными устремлениями к обладанию все большими богатствами и ресурсами. Но человеческая психология гораздо сложнее, чем предполагает эта бесхитростная экономическая модель. Прежде чем мы сможем анализировать современную политику идентичности, нам необходимо сделать шаг назад и выработать более глубокое и совершенное понимание мотивации и поведения человека. Иными словами, нам нужна более качественная теория человеческой души.

## 2

### ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ДУШИ

Политические теории обычно построены на основе теорий человеческого поведения. Из массы эмпирической информации, которую мы получаем об окружающем мире, они выделяют закономерности в человеческой деятельности и устанавливают причинно-следственные связи между этими действиями и окружающей средой. Способность теоретизировать — важный фактор эволюционного успеха рода человеческого. Многие практичные люди презируют теории и теоретизирование, но постоянно действуют на основе невыраженных, несформулированных теорий, существование которых просто не могут осознать.

Современная экономика базируется на одной из таких теорий, которая гласит, что люди являются существами, сознательно стремящимися к максимальной выгоде: каждая отдельная личность использует свои когнитивные способности в корыстных целях. В эту теорию заложено несколько допущений. Во-первых, за расчетную единицу принимается индивидуум, а не семья, племя, нация или какая-либо

другая социальная группа. Люди сотрудничают друг с другом в той мере, в какой, по их расчетам, сотрудничество более выгодно для их личных интересов, чем самостоятельная деятельность.

Второе допущение касается природы этой «выгоды» — индивидуальных предпочтений (будь то марка автомобиля, способ сексуального удовлетворения, варианты приятного отдыха и т. п.), которые составляют то, что экономисты называют потребительской «функцией полезности». Многие экономисты утверждают, что их наука ничего не говорит о конкретных конечных предпочтениях или благах, которые выбирают люди; это зависит от самих людей. Экономика говорит только о том, каким образом осуществляется рациональное преследование «пользы». Таким образом, и менеджер хедж-фонда, стремящийся заработать очередной миллиард долларов, и солдат, бросающийся на амбразуру, чтобы спасти товарищей, — каждый максимизирует различные индивидуальные предпочтения. Вероятно, террористы-смертники, ставшие, к сожалению, частью политического ландшафта XXI в., просто пытаются увеличить число девиц, которые будут «обслуживать» их на небесах.

Проблема в том, что прогностическая способность экономической теории оказывается крайне низкой, когда предпочтения не сводятся к материальным интересам, таким как жажда наживы и богатства. Если расширить понятие «выгоды», включив в него крайности как эгоистического, так и альтруистического поведения, то останется лишь тавтологическое утверждение, что люди преследуют те цели, которые преследуют. Что нам действительно нужно, так это теория, объясняющая, почему одни люди стремятся к богатству или безопасности, в то время как другие предпочитают умереть ради какой-то цели или тратят время и деньги, чтобы помочь другим. Сказать, что мать Тереза и управляющий

хедж-фондом с Уолл-стрит оба максимизируют «выгоду» для себя, — значит упустить что-то важное в их мотивах.

На практике большинство экономистов действительно исходят из того, что выгода основана на той или иной форме материального корыстного интереса, превосходящего другие виды мотивации. Эту точку зрения разделяют как современные адепты свободного рынка, так и поборники классического марксизма, утверждающие, что ход истории определяет борьба социальных классов за свои экономические интересы. Экономика сегодня стала доминирующей и престижной социальной наукой, потому что люди и правда большую часть времени ведут себя в соответствии с достаточно ограниченной экономической версией природы человеческой мотивации. Материальные стимулы имеют значение. В коммунистическом Китае производительность сельского хозяйства в коммунах была низкой, потому что крестьянам не позволяли сохранять излишки, которые они производили, и они скорее уклонялись от тяжелой работы, чем надрывались на ней. В бывшем коммунистическом мире говаривали: «Они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем». Когда в конце 1970-х гг. систему стимулирования изменили и крестьянам позволили сохранять излишки, производство удвоилось за четыре года\*. Одной из причин финансового кризиса 2008 г. было то, что инвестиционные банкиры получали премии за обеспечение краткосрочной прибыли, но не подвергались штрафам и наказаниям, когда их рискованные инвестиции рушились через несколько лет. Для решения этой проблемы пришлось изменить систему стимулирования.

Но, хотя стандартная экономическая модель и объясняет большую часть человеческих поступков, она имеет массу

\* В 1978 г. в рамках программы четырех модернизаций коммуны в Китае были распущены, а в сфере сельского хозяйства начался переход на семейный подряд, фактически завершившийся к 1984 г.

слабых мест. За последние пару десятилетий поведенческие экономисты и психологи, такие как Даниэль Канеман и Амос Тверски, подвергли критике основополагающие допущения этой модели, показав, что в действительности люди иррациональны: они, например, выбирают поведение «по умолчанию» вместо более оптимальных стратегий или, не задумываясь, копируют поведение окружающих<sup>1</sup>.

Хотя поведенческая экономика выявила слабые стороны существующей парадигмы рационального выбора, она не предложила внятной альтернативной модели человеческого поведения. В частности, она почти ничего не говорит о природе основных предпочтений людей. Экономическая теория не дает удовлетворительных объяснений ни поведению солдата, бросающегося на амбразуру, ни поведению террориста-смертника, ни множеству других случаев, когда в игру, вероятно, вступает нечто отличное от корысти. Вряд ли можно сказать, что мы «желаем» болезненных, опасных или разорительно дорогих вещей точно так же, как мы желаем пищи или денег на счету. Поэтому мы должны обратиться к другим описаниям человеческого поведения, которые выходят за рамки доминирующих сегодня экономических. Такое более широкое понимание существовало всегда; проблема в том, что мы часто забываем вещи, которые знали когда-то.

Теории человеческого поведения строятся на теориях природы человека — закономерностях, проистекающих из универсальной человеческой биологии (в отличие от тех, которые коренятся в нормах или обычаях различных сообществ). Граница между природой и воспитанием сегодня весьма спорна, но мало кто отрицает существование этой дихотомии. К счастью, для того, чтобы разработать теорию, полезную для понимания мотивации человека, строго устанавливать эту границу необязательно.



Мыслители раннего Нового времени, такие как Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо, много рассуждали о естественном состоянии — первозданных временах до появления человеческого общества. Естественное состояние, однако, является лишь метафорой, то есть совокупностью самых базовых характеристик человека, не зависящих от конкретного общества или культуры, к которым принадлежит индивид. В западной философской традиции дискуссии о природе человека восходят к гораздо более раннему времени — по крайней мере к «Государству» Платона.

«Государство» — это диалог между философом Сократом и двумя молодыми афинскими аристократами, Адимантом и его братом Главконом, о природе справедливого правления. Опровергнув несколько существующих теорий справедливости, таких как утверждение Фрасимаха о том, что справедливость — это не более чем «то, что пригодно сильнейшему», Сократ строит справедливый город «в речи», основанной на изучении природы души. Слово «душа» (*психе* в греческом) сейчас не в большом ходу, но, как подсказывает этимология, психология, по сути, изучает именно этот предмет.

Ключевая дискуссия о природе души разворачивается в четвертой книге. Сократ отмечает, что вожделеющая часть души жаждет, например, пищи и воды. Но порой жаждущий отказывается от питья, потому что знает, что вода испорчена и, выпив ее, можно заболеть. Сократ спрашивает: «Значит, в душе их присутствует нечто побуждающее их пить, но есть и то, что пить запрещает, и оно-то и берет верх над побуждающим началом?»<sup>2</sup> Адимант и Сократ приходят к выводу, что это — вторая, другая часть души, рассудительная или разумная, и что она может действовать наперекор неразумной, вожделеющей части души.

Сократ и Адимант в этот момент разговора описывают современную экономическую модель: вожделеющая часть души соответствует индивидуальным предпочтениям и запросам, а разумная, рассудочная является рациональным максимизатором. Хотя Зигмунд Фрейд сегодня уже не воспринимается с тем же пиететом, что прежде, эта двухкомпонентная структура отдаленно напоминает его концепцию о том, что существует вожделеющее «Оно» и «Эго», которое — в основном под давлением общества — удерживает эти вожделения под контролем. Но Сократ указывает на другой тип поведения, рассказывая историю афинянина Леонтия, который проходил мимо кучи трупов, «валяющихся возле палача». Леонтию хотелось увидеть тела, но одновременно он пытался избежать этого; после внутренней борьбы он все же посмотрел, воскликнув: «Вот вам, злополучные, насыщайтесь этим прекрасным зрелищем!»<sup>3</sup> Леонтий пытался противиться соблазну поглазеть на трупы, зная, что это недостойно; в итоге он все же поддался ему, что вызвало его ярость и заставило злиться на самого себя. Сократ спрашивает:

Да и на многих других примерах разве мы не замечаем, как человек, одолеваемый вожделениями вопреки способности рассуждать, бранит сам себя и гневается на этих поселившихся в нем насильников? Гнев такого человека становится союзником его разуму в этой распре, которая идет словно лишь между двумя сторонами<sup>4</sup>.

Мы могли бы транспонировать это на более современный пример, когда наркоман или алкоголик знает, что очередная доза или выпивка вредны для него, но тем не менее принимает их и испытывает глубокое презрение к себе за слабость. Сократ использует новый термин — [*яростный*] дух, чтобы обозначить ту часть души, которая является

вместилищем гнева на себя. Дух — это неудачный перевод греческого слова *тимос*.

Затем Сократ спрашивает Адиманта, была ли та часть души, что не желала смотреть на трупы, просто очередным вожделем, или это было проявление ее рассудочной части, поскольку они обе подталкивали Леонтия к одному и тому же действию. Вторым вариантом был бы отражением современной экономики, где одно вождение ограничено лишь рассуждением о том, что иное, более важное вождение вытесняет первое. Соответственно, Сократ вопрошает, существует ли третья часть души:

...о яростном духе у нас сейчас составилось представление, противоположное недавнему. Раньше мы его связывали с вожделем началом, а теперь находим, что это вовсе не так, потому что при распре, которая происходит в душе человека, яростное начало поднимает оружие за начало разумное.

— Безусловно.

— Так отличается ли оно от него, или это только некий вид разумного начала, и выходит, что в душе существуют всего два вида [начал]: разумное и вожделеющее? Или как в государстве три рода начал, его составляющих: деловое, защитное, советательное, так и в душе есть тоже третье начало — яростный дух? По природе своей оно служит защитником разумного начала, если не испорчено дурным воспитанием?

Адимант немедленно соглашается с Сократом, что духовная часть — тимос — это не просто еще одно желание или аспект разума, а отдельная, самостоятельная часть души. Тимос — это вместилище гнева и гордости: Леонтий был горд и считал, что лучшая часть его воспротивится желанию смотреть на трупы, а сдавшись своим желаниям, он

разозлился на свою неспособность жить в соответствии с этим стандартом.

Более чем за два тысячелетия до появления современной экономики Сократ и Адимант поняли нечто, чего она до сих пор не может признать. Желание и разум являются составными частями психе (души) человека, но третья часть, тимос, действует совершенно независимо от первых двух. Тимос — средоточие достойных суждений: Леонтий верил, что он был выше желания лицезреть трупы; так же и наркоман или алкоголичка хотели бы быть продуктивным работником или любящей матерью. Человеческому существу свойственно желать не только того, что по отношению к нему внешне, — например, еды, напитков, Lamborghini или той престижной марки автомобиля, что придет ей на смену. Люди также жаждут позитивных суждений об их личной ценности и достоинстве. Эти суждения могут исходить изнутри, как в случае с Леонтием, но они чаще всего выносятся окружающими, которые признают их ценность. Если человек получает положительную оценку, он ощущает гордость, а если не получает, то чувствует либо гнев (когда считает, что его недооценивают), либо стыд (когда понимает, что не соответствует высоким нормам окружающих).

Эта третья часть души, тимос, стала средоточием сегодняшней политики идентичности. Политические акторы сталкиваются в борьбе и по экономическим вопросам: должны ли налоги быть ниже или выше, или как распределять государственные доходы между различными претендентами в демократическом обществе. Но значительная часть политической жизни слабо связана с экономическими активами.

Возьмем, например, движение за однополые браки, которое распространилось, как лесной пожар, по всему развитому миру в первые десятилетия XXI в. Оно имеет экономический

аспект, связанный, например, с правами наследования и т. п. для гомосексуальных или лесбийских союзов. Однако многие из этих экономических вопросов могли быть решены и во многих случаях решались с помощью новых правил в отношении собственности в гражданских союзах. Но гражданский союз имел бы более низкий статус, чем брак: общество говорило бы, что геи могут быть вместе легально, но их узы отличаются от брака между мужчиной и женщиной. Это неприемлемо для миллионов людей, желающих, чтобы политические системы открыто признали за геями и лесбиянками равное достоинство, а возможность заключать брак является как раз одним из признаков этого равного достоинства. Те же, кто выступает против легализации однополых браков, хотят противоположного — ясного подтверждения высшего достоинства, первенства гетеросексуального союза и, следовательно, традиционной семьи. Эмоции вокруг проблемы однополых браков гораздо сильнее связаны с разными представлениями о достоинстве, чем с экономикой.

Аналогичным образом, гнев женщин, воплощенный в движении #MeToo, возникшем после того, как на свет выплыла история домогательств голливудского продюсера Харви Вайнштейна к актрисам, был вызван в первую очередь неуважением и унижением. Хотя методы, с помощью которых влиятельные мужчины принуждали находящихся в зависимости от них женщин к сексуальным отношениям, имели экономическое измерение, предосудительная привычка оценивать женщину исключительно по ее сексапильности или внешнему виду, а не по таким достоинствам, как способности и умения или склад характера, бытует среди мужчин и женщин, имеющих одинаковый уровень благосостояния или власти.

Но мы в истории о тимосе и идентичности забегаем вперед. Сократ в «Государстве» не утверждает, что тимос

является универсальной чертой, проявляющейся во всех людях одинаково, как и не предполагает, что он проявляется в различных формах. Похоже, это атрибут определенного класса людей в его воображаемом государстве — хранителей или стражей, которые отвечают за защиту города от врагов. Это воины, отличные и от дельцов, для которых желания и их удовлетворение являются главной чертой характера, и от правящего класса вождей, коллективно рассуждающих, что лучше для государства. Сократ считает, что обладающие яростным духом стражи обычно злы, и сравнивает их с собаками, безжалостными к чужакам и верными хозяевам. Будучи воинами, они должны быть смелыми; они должны быть готовы рисковать жизнью и переносить лишения так, как не способны ни дельцы, ни правители. Идти на такой риск их подвигают гнев и гордость, а не разум или желание.

Эти рассуждения Сократа отражают реальность античного мира, точнее даже реальность большинства цивилизаций мира со сложившейся аристократией, претензии которой на высокий социальный статус основывались на традиции воинского служения, передаваемой из поколения в поколение. Греческий идеал достойного человека именовался *калокагатос*, дословно — «прекрасный и нравственно совершенный», а само слово «аристократия» происходит от греческого термина «власть лучших». Считалось, что эти воины обладают моралью, отличной от морали дельцов; их главной добродетелью была готовность рисковать жизнью ради общественного блага. Честь принадлежала только тем, кто сознательно отказывался от рациональной максимизации «выгоды» — нашей современной экономической модели, рискуя самой важной «выгодой» из всех — своей жизнью.

Сегодня мы склонны воспринимать аристократов с изрядным цинизмом, считая их в лучшем случае

самодовольными дармоедами, а в худшем — жестокими хищниками по отношению к остальной части общества. Их потомки еще хуже, поскольку они не сами заслужили статус, который имеют их семьи, а уже родились с ним. Однако мы должны признать, что в аристократических обществах существовала глубоко укоренившаяся вера в то, что честь или почет причитались не каждому, а только классу людей, которые рисковали жизнью. Отголосок этого чувства все еще звучит в том уважении, которое граждане современных демократических обществ обычно проявляют по отношению к солдатам, погибающим за свою страну, или полицейским и пожарным, рискующим жизнью при исполнении служебных обязанностей. Уважения или почета достойны не все, и в последнюю очередь — бизнесмены или рабочие, главная цель которых заключается в повышении собственного благосостояния. Аристократы считали себя лучше других людей; им была свойственна так называемая мегалотимия, желание быть признанными выше остальных. Структура демократических обществ основана на социальной иерархии, поэтому такая вера в неотъемлемое врожденное превосходство определенного класса людей над остальными имела основополагающее значение для поддержания общественного порядка.

Проблема с мегалотимией заключается в том, что на каждого человека, признанного вышестоящим, приходится гораздо больше людей, которые рассматриваются как низшие и не получают общественного признания своей человеческой ценности. Хотя Сократ и Адимант ассоциируют тимос в первую очередь с классом стражей, они, похоже, полагают, что тремя частями души обладают все люди. Те, кто не принадлежит к классу стражей, имеют собственную гордость. Ее ранит и оплеуха, полученная от аристократа, и надменный приказ убраться с дороги, и насильственное превращение

дочери или жены в предмет сексуальных утех. В то время как определенная группа людей всегда хочет, чтобы ее считали вышестоящей, явное проявление неуважения к человеку вызывает чувство обиды. Более того, если мы превозносим людей с определенными достижениями — выдающихся спортсменов или музыкантов, например, то источником общественных почестей является не истинное превосходство, а скорее социальные нормы. Нам кажется, что люди вроде звезд реалити-шоу или светских львиц, выставяющих напоказ свою жизнь, получили признание не по заслугам и они ничем не лучше нас.

Таким образом, желание выглядеть «не хуже других» также может быть мощным мотиватором. Это желание можно назвать «изотимия»<sup>6</sup>. Мегалотимию экономист Роберт Фрэнк называет «позиционное (или статусное) благо» — то, что по своей природе не может быть общим, поскольку основано на положении человека по отношению к кому-то другому<sup>7</sup>. Развитие современной демократии — это история вытеснения мегалотимии изотимией: общества, в которых признание получали лишь избранные, сменялись обществами, в которых все изначально равны. В Европе общества, стратифицированные по классам, начали признавать права простых людей, а народы, объединенные в великих империях, устремились к обособленному и равному статусу. Великие противостояния в американской политической истории — вокруг рабства и сегрегации, прав трудящихся, равенства женщин — в конечном счете были требованиями того, чтобы политическая система расширила круг лиц, признаваемых равноправными.

И все же наша история еще сложнее. Современную политику идентичности движет стремление к равному признанию групп, которые были маргинализированы обществами. Но это стремление к равному признанию может

легко перерасти в требование признания превосходства группы. Во многом это составляет суть истории национализма и национальной идентичности, а также некоторых форм нынешней политики религиозного экстремизма.

Еще одна проблема изотимии в том, что некоторые виды человеческой деятельности неизбежно вызывают большее уважение, чем другие. Отрицать это — значит отрицать возможность человеческого совершенствования. Я не умею играть на фортепиано и не могу притворяться, что я равен Гленну Гулду или Артуру Рубинштейну в этом отношении. Ни одно общество не выкажет уважения трусу, убегающему при первых признаках опасности или, что еще хуже, предающему своих соотечественников ради чужаков. Напротив, оно будет уважать солдата или полицейского, рискующего жизнью ради общего блага. Признание ценности всех и каждого абсолютно равной означает непризнание ценности людей, которые в каком-то смысле превосходят других.

Изотимия требует, чтобы мы признали равную базовую ценность наших сограждан. В демократических обществах вслед за американской Декларацией независимости утверждается, что «все люди созданы равными». Однако в разные моменты истории понятие «все люди» трактовалось по-разному. На момент подписания декларации в этот круг не входили белые мужчины без собственности, чернокожие рабы, коренные американцы и женщины. Кроме того, поскольку таланты и способности людей столь очевидно различаются, нам необходимо понять, в каком смысле мы готовы признать их равными в политическом плане. Декларация независимости утверждает, что это «самоочевидно», особенно не распространяясь о том, как мы должны понимать равенство.

Тимос — часть души, которая ищет признания. В «Государстве» лишь узкий класс воинов стремится к признанию

своего достоинства на основании готовности рисковать жизнью. Тем не менее стремление к признанию, похоже, заключено в каждой человеческой душе. Лавочники, мастера или попрошайки также способны ощущать боль от неуважения. Но это ощущение незавершенное, ибо у них нет четкого понимания того, за что их следует уважать. Общество говорит им, что они не так ценны, как аристократы, — так почему бы им не принять суждение общества? На протяжении большей части истории такова была судьба огромной массы человечества.

Но хотя тимос является универсальным аспектом человеческой природы, который существовал всегда, убеждение, что каждый из нас обладает внутренним «я», достойным уважения, и что общество может ошибаться, не признавая его, является относительно недавним явлением. Так что, хотя понятие идентичности коренится в тимосе, оно актуализировалось только в современности, в сочетании с понятием внутреннего и внешнего «я» и радикальным представлением о том, что внутреннее «я» ценнее внешнего. Это стало результатом как сдвига в понимании индивидуальности, так и кардинальных изменений общественных устоев, которые начали быстро развиваться под давлением экономического и технологического прогресса.

# 3

## ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ

В отличие от тимоса, представляющего собой неотъемлемую часть человеческой природы, идея идентичности, которой еще только предстояло стать концепцией, формировалась по мере модернизации общества, начавшейся несколько веков назад. Возникнув в Европе, она впоследствии распространилась и укоренилась практически во всех обществах мира.

Основой — и отправной точкой развития — этой концепции стало ощущение разрыва между внутренним и внешним содержанием личности. Люди начали верить, что обладают истинной или подлинной идентичностью, скрытой в них, и что она так или иначе противоречит той роли, которую им отводит общество. Современная концепция идентичности наивысшей ценностью считает **аутентичность, искренность, подлинность той внутренней сущности, которой не позволяют выразить себя. Эта концепция находится на стороне внутреннего, а не внешнего «я».** Часто человек не понимает, в чем суть его внутреннего «я». У него есть

только смутное ощущение, что он вынужден жить во лжи, **отчаянно задаваясь вопросом: «Кто же я на самом деле?»** Безрезультатные поиски ответа могут вызвать чувство отчуждения и тревоги, которое облегчается только с принятием внутреннего «я» и общественным признанием такого принятия. Соответственно, допустимо предположение, что внешнее общество должно быть способно к фундаментальным изменениям, чтобы суметь должным образом признать это внутреннее «я».

На Западе идея идентичности родилась в некотором смысле во время протестантской Реформации, и первым ее сформулировал монах-августинец Мартин Лютер. Лютер получил традиционное богословское образование и занял профессорскую кафедру в Виттенберге; десять лет он провёл в трудах, чтении, раздумьях — и в борьбе с самим собой. По словам одного историка, Лютер «впал в отчаяние перед лицом Господа. Он хотел быть уверен, что угоден Богу, но смог обнаружить в себе только постоянство греховности, а в Господе — только неотвратимость суда Божьего, что обрекало на тщетность все его усилия по покаянию и попытки стяжать Божью милость»<sup>1</sup>. Следуя учению католической церкви, Лютер стремился найти утешение в смирении, пока не обнаружил, что он не сможет ничем подкупить, улестить или умилостивить Бога. Он обнаружил, что церковь воздействовала только на внешнее «я» — через исповедь, покаяние, раздачу милостыни и почитание святых, но ни один из этих внешних атрибутов веры не имел значения, поскольку божественная благодать снисходила на людей исключительно по милости самого Господа.

Лютер одним из первых западных мыслителей заговорил о внутреннем «я» и возвысил его над внешним социальным существованием. Он утверждал, что человек имеет двойственную природу — внутреннюю духовную сущность

и внешнее телесное существо; и поскольку «никакое внешнее существо не имеет никакого влияния на создание христианской праведности или свободы», только внутренний человек может быть обновлен.

Внутренняя сущность человека может управляться одной только верой, как гласит Послание к римлянам [10:10]: «Кто верит сердцем — будет оправдан»\*, и поскольку оправдывает лишь вера, ясно, что ничем иным — никакими внешними трудами или действиями — «внутренний человек» не может быть оправдан, освобожден или спасен, и эти труды, какими бы они ни были, не имеют отношения к этому «внутреннему человеку»<sup>2</sup>.

Это признание — центральное для последующего протестантского учения — что лишь вера, а не дела в единый миг обеспечивает спасение души, — подрывало *raison d'être* (смысл существования) католической церкви. Церковь была посредником между человеком и Богом, но все ее ритуалы и деяния могли формировать только внешнего человека. Лютер был в ужасе от упадка и развращенности средневековой Церкви, но гораздо более фундаментальным открытием для него стало понимание того, что сама Церковь не нужна и даже богохульна в своих попытках «умолить» Бога или подкупить его. Лютер отказался от роли подростка, которого общество принуждает к послушанию; скорее, общество в его глазах должно было приспособиться к требованиям внутренней личности. Порожденная Лютером Реформация привела, вопреки его намерению, к падению Рима как Вселенской Церкви, появлению альтернативных церквей и целому ряду социальных изменений, в которых

\* Вариант перевода, который предлагает Российское библейское общество. Каноническая синодальная версия: «Потому что сердцем веруют к праведности».

верующий был поставлен выше господствующих социальных структур.

Социологи долго спорили о том, были ли монументальные изменения, произошедшие в Европе после Реформации, — то, что мы называем модернизацией, — результатом действия материальных сил, или они продиктованы идеями, подобными лютеровским. Карл Маркс и современные неоклассические экономисты сказали бы, что идеи Лютера производны от материальных условий: без массового экономического недовольства и соперничества немецких князей его взгляды никогда бы не распространились так широко и быстро. С другой стороны, социолог Макс Вебер настаивал на примате идей: те самые материальные условия, которые изучают экономисты, могли сложиться лишь потому, что были узаконены изменениями в мышлении людей. Аналогичные условия в прежние времена не приносили тех же результатов, поскольку интеллектуальный климат был иным.

На мой взгляд, обе позиции отражают лишь часть истины, потому что причинно-следственные связи действуют в обоих направлениях одновременно. Очевидно, что материальные условия формируют восприимчивость людей к определенным идеям. Но идеи имеют внутреннюю логику, и вне задаваемых ими когнитивных рамок люди будут интерпретировать свои материальные условия по-разному. Это влияет на наше понимание развития концепции идентичности, поскольку она была обусловлена как эволюцией мышления, так и изменением условий жизни общества в целом в процессе социально-экономической модернизации Европы.

В пространстве идей, как мы видим, различие между внутренним и внешним, как и превознесение первого над вторым, начинается с Лютера\*. Его первенство очень важно.

\* За много веков до Мартина Лютера через подобное мучительное исследование своего внутреннего мира прошел в своей «Исповеди» Августин

Как и многие последующие мыслители, бившиеся над вопросом идентичности, он начал с мучительного поиска себя и того, каким образом он может стать угоден Богу. Внутренний человек не был добр, он был грешником, но мог быть спасен внутренним актом веры, не проявляющимся через какое-либо внешнее действие. Таким образом, к Лютеру восходит центральное для вопросов идентичности представление о том, что внутреннее «я» является глубинным и обладает множеством слоев, которые могут быть раскрыты только посредством личного самоанализа.

Однако Мартин Лютер далек от современного понимания идентичности. Он воспевал свободу внутреннего «я», но у этого «я» было только одно измерение — вера и принятие Божьей благодати. Выбор был двояким: свободно принять Бога или нет. Нельзя было выбирать, быть индусом или буддистом, или решить, что истинная личность человека заключается в публичном признании его нетрадиционной сексуальной ориентации. Лютер не сталкивался с «кризисом смысла»; это понятие было бы для него непостижимо. Отвергая Вселенскую Церковь, он тем не менее полностью принимал христианскую истину, на которой та покоилась<sup>3</sup>.

Второе отличие концепции Лютера от современного понимания идентичности заключается в том, что его внутреннее «я» не стремилось к публичному признанию новообретенной свободы. Напротив, мучительно пытаясь постичь свои собственные мотивы, он хотел избежать позора самодовольства, зная, что «остается неисправимым грешником, неспособным сопротивляться тому, что он называл вожделением (грех «небескорыстного» стремления к праведности — не только ради Бога, но и ради собственного

<sup>3</sup> Блаженный. Однако, в отличие от Лютера, его труды не ниспровергли устоявшиеся социальные институты и не вызвали массовых потрясений в политике и обществе того времени. — Прим. авт.

удовольствия)»<sup>4</sup>. Хотя он получил огромное признание при жизни и обладал невероятно взрывным темпераментом, обрушивая на оппонентов лавины праведного гнева, его учение о вере было основано на личных отношениях человека с Богом, а не на какой-либо форме общественного одобрения.

Как бы то ни было, понятия внутреннего и внешнего были разграничены, что позволило мыслителям, не принявшим христианское мировоззрение Мартина Лютера, осмыслять и определять новые формы внутренней свободы.

К концу XVIII в. идея, лежащая в основе современного представления об идентичности, получила дальнейшее развитие и обрела светское толкование. Канадский политический теоретик Чарльз Тейлор написал фундаментальную работу об этом процессе, отведя в нем центральную роль философу Жан-Жаку Руссо<sup>5</sup>. Руссо предложил множество фундаментальных идей, ставших основой целого ряда современных концепций: демократии, прав человека, коммунизма, антропологии и защиты окружающей среды. Однако его разнообразные воззрения на политику, общество и личность в единую систему связывала тема естественной доброты внутреннего «я» человека<sup>6</sup>.

Руссо пересмотрел христианскую моральную оценку внутреннего человека. Христиане — и Лютер в том числе — верили в первородный грех: люди были падшими созданиями, их грехи могли быть искуплены только Божьей любовью. В «Рассуждении о происхождении неравенства» Руссо утверждал, что первый, «дикий» человек — человек в естественном состоянии — был безгрешен. Характеристики, которые мы связываем с грехом и злом, — ревность, алчность, насилие, ненависть и т. п. — не были присущи первобытным людям. По словам Руссо, изначально человеческого общества не существовало: ранние люди были робкими,



изолированными существами с ограниченными потребностями, для которых естественным был секс, но не семья. Они не знали жадности и зависти, их единственной естественной эмоцией была жалость, сочувствие к страданиям других.

По словам Руссо, несчастья человечества начинаются с формированием общества. Первобытные люди начали «скатываться» к обществу, покорив животный мир. Осознание превосходства над животными «вызывало в человеке первое движение гордости». Затем люди начали сотрудничать для защиты друг друга и взаимной выгоды; более тесное общение «породило в уме человека представления о некоторых соотношениях... которые мы выражаем словами: большой, маленький, сильный, слабый, быстрый, медленный, боязливый, смелый, и другими подобными понятиями». Способность сравнивать и оценивать других людей была первоисточником человеческого несчастья: «Как только люди начали взаимно оценивать друг друга и как только в их уме сложилось понятие об уважении, каждый начал на него предъявлять права, и стало уже невозможно безнаказанно отказывать в нем кому бы то ни было»\*. Руссо осуждает переход от *amour de soi* (любовь к себе) к *amour propre* (самолюбие или тщеславие); эгоизм трансформируется в чувство гордости и стремление к социальному признанию<sup>7</sup>.

По мнению Руссо, частная собственность возникла с открытием металлообработки и земледелия. Сделав людей несравненно богаче, способность накапливать собственность вызвала резкий рост неравенства, значительно углубив природные различия между людьми, и сильнейшим образом обострила чувства ревности, зависти, гордости

\* Здесь и далее отрывки из «Размышлений» Руссо в пер. А.Д. Хаютина. Цит. по: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. — М.: КАНОН-пресс, 1998.

и стыда. Отсюда знаменитый «наказ» Руссо в начале второй части «Рассуждения»:

Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества... От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!»<sup>8</sup>

Руссо предлагал два рецепта избавления человечества от бедствий неравенства и насилия. Первый изложен в общественном договоре — политическом решении, согласно которому граждане возвращаются к естественному равенству через проявление «общей воли», объединяющей их в республиканской добродетели. Они сотрудничают друг с другом в политическом союзе, не допускающем разногласий или плюрализма. Эту модель справедливо критиковали как протототалитарную, подавляющую разнообразие и требующую строгого единообразия мысли.

Второй рецепт был не политическим, а личностным. В своей поздней работе «Прогулки одинокого мечтателя» Руссо пытается воссоздать сознание первого человека, каким оно было до формирования общества. В «Рассуждении о происхождении неравенства» он говорил, что «первым чувством человека было ощущение собственного бытия» (*sentiment de l'existence*); в «Прогулках» *sentiment de l'existence* возвращается как чувство изобилия и счастья, которое возникает, когда человек пытается раскрыть свою истинную суть, погребенную под слоями приобретенных социальных чувств и пристрастий<sup>9</sup>. Через некоторое время

это «ощущение бытия» Руссо превратится в «жизненный опыт» (*lived experience*), на котором зиждется современная политика идентичности.

Таким образом, в отношении человеческой природы Руссо занимает оригинальную, отличную от других философов позицию. Он оспаривает утверждение Томаса Гоббса о том, что человек в естественном состоянии был злым, жестоким и эгоистичным; Руссо также не согласен с Джоном Локком в том, что для раннего человека частная собственность была естественной. Он не согласился бы и с Сократом и Адимантом в том, что тимос является составной частью человеческой души, — Руссо ясно заявляет, что первобытные люди были лишены чувства гордости, а значит, и желания быть признанным другими людьми.

Идея Руссо, ставшая краеугольным камнем мировой политики последующих столетий, заключается в том, что явление, называемое обществом, существует вне личности, это совокупность правил, отношений, предписаний и обычаев, которая сама по себе является главным препятствием для реализации человеческого потенциала, а значит, главной причиной человеческого несчастья. Такой образ мышления стал сегодня настолько естественным, что мы этого даже не осознаем. Так, подросток-правонарушитель в свою защиту заявляет: «Меня общество заставило», а женщина обвиняет сексистское и «гендеризированное» общество в том, что оно ограничивает ее возможности. На более высоком уровне это отражается в жалобах Владимира Путина на то, что возглавляемый американцами международный порядок незаслуженно унижает Россию, и в последующих притязаниях на свержение этого миропорядка. Мыслители прошлого в основном критиковали отдельные аспекты современных им социальных правил и уложений, и лишь немногие утверждали, что общество и его правила должны быть отменены *en*

*masse* и заменены на нечто лучшее. Именно это в конечном счете связывает Руссо с революциями во Франции в 1789 г., в России в 1917 г. или в Китае в 1949 г.

Руссо, как и Лютер, четко разграничивал внутреннее «я» и внешнее общество, требующее соблюдения установленных правил. Однако в отличие от Лютера у Руссо свобода внутреннего человека заключается не только в его способности принять благодать Божью, но и в естественной и универсальной способности испытывать *sentiment de l'existence*, свободное от накопленных социальных условностей. Таким образом, Руссо секуляризировал и обобщил открытый Лютером «внутренний мир», что потребовало от него столь же мучительных и продолжительных исследований своих глубинных чувств, каким был и самоанализ монаха-августинца. По словам Чарльза Тейлора, «это часть колоссального поворота современной культуры к субъективизму, новая форма внутреннего мира, в котором мы начинаем думать о себе как о существах, наделенных внутренней глубиной»<sup>10</sup>.

Таким образом, Руссо, секуляризовав внутреннее «я» и отдав ему приоритет перед общественными нормами, сделал решающий шаг на пути к современной идее идентичности. Но Руссо, как мы видели, не верил, что стремление к признанию было естественным свойством людей. Он утверждал, что первобытному человеку не свойственны гордость и склонность сравнивать себя с другими и что появление этих чувств стало источником всех последующих несчастий человечества. Обретение внутреннего «я», таким образом, требует отказа от стремления к общественному признанию; одинокий мечтатель не нуждается ни в чьем одобрении.

Отметим, что, с учетом наших нынешних знаний о ранних человеческих обществах и эволюции человечества, Руссо был глубоко прав в отношении одних аспектов,

а в отношении других — глубоко заблуждался. Он был в значительной степени прав в описании широких этапов эволюции человеческого общества, прослеживая переходы от стадии охоты и собирательства к аграрным, а затем коммерческим обществам. Он также справедливо подчеркнул важность открытия земледелия в контексте формирования института частной собственности и аграрных обществ, которые в гораздо большей степени неравноправны и иерархичны, чем вытесненный ими социальный уклад охотников-собирателей<sup>11</sup>.

Но кое в чем важном Руссо ошибался — начиная с утверждения, что ранние люди изначально были индивидуалистами. Мы знаем, что он заблуждался, во-первых, потому, что не видим археологических или антропологических доказательств существования человека досоциального периода, а во-вторых, потому, что мы с большой уверенностью знаем, что приматы — предки современных людей — были весьма социальными. Современные приматы образуют сложные социальные структуры, а также, очевидно, обладают эмоциональными способностями, необходимыми для их поддержания<sup>12</sup>. Любопытно утверждение Руссо о том, что гордость возникает только на определенном этапе социальной эволюции. Оно провоцирует вопрос о том, как такое эндогенное человеческое чувство может спонтанно возникнуть в ответ на внешние стимулы. Если бы гордость была социально обусловлена, детей младшего возраста нужно было бы специально обучать испытывать ее, однако такого не наблюдается. Сегодня мы знаем, что чувство гордости и самоуважения связано с уровнем нейромедиатора серотонина в мозгу и что шимпанзе демонстрируют повышенный уровень серотонина, когда достигают статуса альфа-самца<sup>13</sup>. Вряд ли человек разумный и прямоходящий когда-либо не сравнивал себя с другим

и не испытывал гордости, получая общественное признание. В этом отношении Платон лучше понимал природу человека, чем Руссо.

Различие между внутренним и внешним «я» возникло в Европе между Реформацией и Великой французской революцией не случайно. Европейское общество претерпело ряд глубоких экономических и социальных изменений, что и создало материальные условия для распространения таких идей.

Все человеческие общества социализируют своих членов, чтобы они жили по общим правилам; иначе невозможно было бы наладить сотрудничество между людьми и, следовательно, человечество не преуспело бы как вид. Во всех обществах существуют подростки-бунтари и изгои, не желающие принимать правила, но в этой борьбе общество почти всегда побеждает, заставляя внутреннее «я» подчиняться внешним нормам.

Следовательно, концепция идентичности в ее нынешнем виде не могла зародиться в большинстве традиционных обществ. На протяжении большей части последних 10 000 лет истории человечества подавляющая часть населения проживала в оседлых аграрных общинах. В таких обществах социальные роли ограничены и закреплены в строгой половозрастной иерархии; каждый человек имеет одну и ту же профессию (земледелие или воспитание детей и ведение домашнего хозяйства); всю жизнь он живет в одной небольшой деревне, в ограниченном кругу друзей и соседей; религия и убеждения едины для всех; социальная мобильность — уход из деревни, выбор другого занятия или брак против воли родителей — практически невозможна. В таких обществах нет ни плюрализма, ни разнообразия, ни выбора. В отсутствие выбора нет смысла задаваться вопросом: «Кто я такой?» Все характеристики внутренней сущности остаются

неизменными. Возможно, кто-то мог бы восстать, сбежав в другую деревню, но там этот бунтарь оказался бы в той же ловушке ограниченного социального пространства. Там человек тоже не существует вне «общества», которое ограничивает личный выбор и не способно оценить внутреннее «я».

С началом масштабной модернизации Европы все начинает меняться. Коммерческая революция ведет к значительному расширению торговли и постепенно подрывает сложившуюся социальную иерархию. Адам Смит утверждал в «Богатстве народов», что «разделение труда ограничивается размерами рынка»; по мере роста рынков в результате технологических изменений появляются новые профессии и формируются различные классы общества. Города, все более могущественные и независимые, служат убежищем для крестьян, спасающихся от тирании своих господ. Реформация положила начало полутора столетиям религиозных войн, которые перекроили политическую карту Европы, но открыли такие возможности для выбора веры, которых не было во времена средневековой Церкви. Изобретение печатного станка привело к повышению грамотности и способствовало быстрому распространению новых идей.

Эти масштабные социальные и экономические изменения означали, что выбор у людей стал гораздо богаче, а возможностей — гораздо больше. Прежде их внутреннюю сущность определял ограниченный социальный выбор. С открытием новых горизонтов вопрос «Кто я?» вдруг стал более актуальным, как и восприятие огромной пропасти между внутренней личностью и внешней реальностью. Идеи формировали материальный мир, а материальный мир создавал условия для распространения определенных идей.

## 4

## ОТ ДОСТОИНСТВА К ДЕМОКРАТИИ

Современная концепция идентичности объединяет три различных феномена. Первый — тимос, универсальный аспект человеческой личности, который жаждет признания. Второй — различие между внутренним и внешним «я», а также нравственное превосходство внутреннего «я» над внешним обществом, оформившееся как идея только в Европе начала Нового времени. Третий — развивающаяся концепция достоинства, согласно которой признания достоин не узкий класс людей, но все и каждый. Расширение и универсализация понятия «достоинство» превращают личные поиски себя в политический проект. В западной политической мысли этот сдвиг произошел через поколение после Руссо, благодаря философии Иммануила Канта и — особенно — Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

По Сократу, достоинство требовалось прежде всего воинам полиса, готовым доблестно рисковать жизнью на государственной службе. Это одно понимание человеческого достоинства, но есть и другие. В библейской книге Бытие